

мируются инакостью. Опасность нетерпимости, рожденной как результат элементарных импульсов в отсутствие, какой бы то ни было, доктрины, заключается в том, что она не может ни критиковаться, ни сдерживается рациональными аргументами [6]. Образовательная среда должна учесть противостоянию националистической и другим формам нетерпимости.

Воспитание толерантности способствует у личности навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки воззрений, основанных на духовно-нравственных ценностях. Результатом планомерного воспитания будет формирование ответственных граждан, открытых восприятию других культур, ценящих свободу и права других людей, уважающих человеческое достоинство и индивидуальность.

Литература и источники

1. Погорелов, С.Т. Образы святых в духовно-нравственном воспитании современных школьников / С.Т. Погорелов // III Симеоновские образовательные чтения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.prosvetcentr.ru/Ask_to/article/articl.php?id_site=1&id_article=110&id_page=30. Дата доступа: 10.04.2018.
2. Долгоруков, П.Д. Чувство родины у детей // Хрестоматия. Педагогика российского зарубежья. – Москва, 1996.
3. Шнейдер, Л.Б. Аттитуды патриотизма в пространстве образования и воспитания / Л.Б. Шнейдер, О.Л. Сташкевич // Вестник ПСТГУ, Серия IV.: Педагогика. Психология. – 2018. Вып. 50. С. 11–21.
4. Гессен, С.И. Мироззрение и образование // Хрестоматия. Педагогика российского зарубежья. – Москва, 1996.
5. Декларация принципов терпимости, утвержденная конференцией ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/declarat/toleranc.htm>. Дата доступа: 04.05.2018.

6. Эко, У. Миграция, терпимость и нестерпимое / У. Эко // Пять эссе на темы этики. – Санкт-Петербург : Издательство «Симпозиум», 2000. – С. 143–145.

ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

*Круподеря Е.А.
(Минск, Беларусь)*

В условиях энтропии и стохастичности, вызванных инновациями информационного общества, постмодерном и духовным кризисом, происходит актуализация роли религии в ее широком функциональном диапазоне – коммуникационном, компенсационном, консолидирующем, регулятивно-легитимирующем. В то же время разнообразные модификации и трансформации наблюдаются и в поле самого религиозного сознания, религиозных структур и феноменов.

В эпоху постмодерного плюрализма, когда традиционные религии многими воспринимаются как консервативные, их позиции относительно актуальных социальных проблем - абортов, эвтаназии, семейно-брачных отношений, гендерной идентификации, трансгуманизма и т.д. – кажутся устаревшими и неактуальными и авторитет церковных организаций понижается, формируется новый способ конструирования индивидуальных религиозных взглядов в процессе духовного поиска. В религиозоведческом дискурсе он дефинируется как «религиозный бриколаж», или «лоскутное верование» (patchwork belief), «микс-религиозность», «вернакулярная религия», и описывается симптомами «веры без принадлежности» – когда верующие заявляют о своей духовной близости к какой-либо религиозной системе, но не идентифицируют себя с конкретной церковью, и «эффекта

конструктора» - когда люди самостоятельно выстраивают системы значений (meaning systems), используя для конструирования смыслов и ценностей как различные религиозные традиции, так и контент, предоставляемый медиа-ресурсами и масс-культурной продукцией информационного общества.

Процесс реинтерпретации ценностей в прагматической и плюралистической парадигме постмодерна вызывает появление разнообразных инновационных форм в религиозно-мировоззренческой сфере – от фундаментализма, неопротестантизма до течений «New Age» и нового витка популярности эзотерики. Это не означает, что такие инновации замещают традиционные формы религии, но они конструируют «альтернативную» религиозность, которой свойственно обращение к субъективному опыту, формируемому варибельным компилированием из западных и восточных религиозных систем и квазирелигиозных источников (окультизм, спиритизм, паранаука и т.п.).

Мировоззренческое реконструирование затрагивает и ценностную систему традиционных религий; в наиболее радикальном симптоматичном проявлении этот процесс отразился через феномен новых религиозных движений (НРД), многие из которых представляют собой эклектичные учения, соединяющие идеи христианства и восточных религиозных систем, с особым акцентом на эсхатологических и сотериологических вариациях. Большинство НРД, классифицируемых исследователями как «псевдохристианские», спекулируют на интерпретировании хилиастических идей, мессианства и концепции «богоподобия», с неременным самообожествлением основателя учения, и оппонировать классическим церквям не только в вероучительной, но и в аксиологической сфере, предлагая собственные модификации традиционных нравственных и социальных ценностей или вообще аннулируя их, заменяя на альтернативные этические модели, вследствие чего формируются специфические механизмы внутригруппового и межгруппового взаимодействия и характер

ингрупповых и аутгрупповых установок (гуруизм, авторитаризм, иерархизм, психотехническое манипулирование, эзотеризм, эксклюзивизм, интолерантность).

Специфика нравственно-аксиологического реконструирования в новых религиозных движениях заключается в его субъективированной детерминации: система этических и мировоззренческих ориентиров, ингрупповых и аутгрупповых установок, кодификаторов социальной, религиозной и национально-культурной идентичности выстраивается в предельно ригористичных и догматичных рамках, сквозь призму учения конкретного духовного лидера, любому слову и действию которого придается сакральный статус и наивысший авторитет. Из формирующегося культа харизматического лидерства следует субъективизация моральных установок на конкретных людях, все речи которых считаются божественным откровением, непреложной истиной и высшим нравственным императивом (при этом реальные биографии основателей многих неоеккультов нередко включают инциденты привлечения к ответственности за делинквентные и антисоциальные действия).

Социологические исследования показывают, что, несмотря на постмодернизацию морали, религиозные ценности, нормы и установки не становятся социокультурной архаикой, а, напротив, восстанавливают свою традиционную значимость в мотивации и оценке поведения человека, прежде всего в нравственной жизни [1, с. 159–160]. Духовно-нравственная значимость ценностной системы христианства заключается в том, что она предоставляет «не только веру, но и знания морально-психологического характера» [2, с. 244]. Базис мировоззренческой парадигмы христианства составляет идея личного развития человека, призыв к совершенствованию с ориентацией на подвижничество Христа и руководство гуманистической этикой «Нагорной проповеди». Концепция «Царства Небесного» коррелирует такое совершенствование с обретением счастья. Достижение счастья – блаженства («девять блаженств») – сопряжено с катарсической

ролью страданий и самоосознанием при их преодолении, практическим примером чего представляется жизнь Христа, воплощающего идеал совершенного человека. В основу механизма нравственного совершенствования личности полагается «тайный» уровень общения с Богом как нравственным идеалом, но личность Христа «переводит трансцендентную природу морального закона в план имманентности» [2, с. 251]. Акцент в нравственно-созидающей деятельности ставится на развитии души – приоритете духовных ценностей над материальными, самотворчестве, осознанном личностном освоении моральных императивов, в результате чего раскрывается в человеке его «истинная человеческая природа».

В противоположность этому, в «псевдохристианских» НРД традиционная система христианских ценностей получает искаженную интерпретацию, где природа человека и мира сатанизируется, а духовно-нравственное развитие человека, во-первых, детерминировано мессианством лидеров, якобы представляющих не просто идеал совершенного человека, но «Бога во плоти» и, соответственно, – абсолютный эталон нравственности; во-вторых, реализуется лишь при следовании их идеям, безукоснительном исполнении религиозных предписаний, культовых действий и сакрализуемых форм внекультовой практики (миссионерство, фандрейзинг, семейные и социальные интеракции). Соответственно, в такой модели все усилия человека по личностному совершенствованию, личная нравственно-созидающая деятельность обесцениваются без их религиозной координации; а религиозная конституента в неокультовых движениях имеет свою специфику. Ее характерные черты: сфокусированность на учении и личности харизматических лидеров; максимизация эксклюзивизма и ингрупповой/аутгрупповой дифференциации по религиозно-этическому принципу; антагонизм к традиционным религиозным учениям и церквям, особенно христианской; противоречие декларируемой идеологии и этики с социальной практикой или ам-

бивалентность собственных аксиологических установок (например, нередко прокламация экуменизма, мондиализма и космополитизма сочетается с сакрализацией аутентичных для данного НРД национальных идентификаторов, что в двойной мере дезавуирует национально-культурные ценности аутгрупп), – обуславливают деструктивный потенциал новой религиозности для личности, общества и традиционных систем ценностей.

Таким образом, поскольку ценностный отбор есть обязательное свойство традиции, можно говорить об актуализации потенциала традиционных религий в реморализации общества и резистентности к деструктивным инновациям в социальном и мировоззренческом поле постмодерна. Инновации, в своем предельном целеполагании стремящиеся стать нормой, зачастую предполагают элиминацию прежней традиции, что вносит диссонанс в область социальных взаимосвязей и нравственных устоев и вызывает конфликты ценностей и мировоззрений. В этом плане христианская религиозная традиция в современном белорусском обществе функциональна, значима и востребованна, поскольку является архитектором нравственных норм и ценностей, служащих целям усиления национально-культурной идентичности, стабилизации и консолидации социума, источником оснований легитимации этого ценностно-нормативного порядка, исходящих из трансцендентной абсолютности моральных императивов, и идеалов гармоничной интеракции что, в свою очередь, способствует продвижению духовных ценностей и этических максим в культуру общества и социальную политику государства.

Литература и источники

1. Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / Д.Г. Ротман [и др.]; под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. – Минск : БГУ, 2009. –231 с.

2. Павловская, О.А. Христианские нравственные ценности в жизни современного человека / О.А. Павловская // Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовно-нравственные проблемы / под ред. О.А. Павловской ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. Навука, 2010. – С. 244–256.

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ
«ЖИВЫЕ ИСТОКИ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
ХРАМА РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА»**

*Павлович А.А., Вронская М.А., Решетняк Т.В.
(Борисов, Беларусь)*

Присутствие Бога ощущается нами только в тишине. Казалось бы, в растерзанном дикими звуками окружающем нас пространстве ее невозможно найти. Но люди ищут – и находят. Находят то самое, тихое место, где они могут побыть наедине с собой, послушать себя и помолиться. В нашем родном городе среди шумных улиц можно отыскать то самое, тихое место. Оно единственное и вы, прогуливаясь по городу, не найдете места лучше. Оно похоже на детство, где царит только добро, радость и любовь. Посетив его, обязательно захочется возвращаться сюда снова и снова. Предлагаем совершить увлекательное путешествие в наш родной город Борисов и посетить Храм Рождества Христова. Борисов – один из древнейших белорусских городов. Назван он в честь своего основателя – Полоцкого князя Бориса Всеславича. Это удивительный город с историей в девять веков, с неповторимой архитектурой и непростой историей. Удивительно, но в Беларуси есть два Борисова – Старый и Новый. Находятся они рядом: на правом и левом берегу реки Березина. Один основан почти тысячу лет назад, а второй вырос всего за полвека. Его строить начали сразу же после Великой Отечественной войны. В Борисове много памятни-

ков архитектуры. «Жемчужина» города – Свято-Воскресенский собор. В старой части города сохранились торговые ряды, построенные в 1908 г. Благодаря географическому положению уже к сер. XIII в. Борисов входил в число известных торгово-ремесленных центров. В 1563 г. город получил Магдебургское право. В новой части города стоит и призывает всех людей первый храм, построенный и освященный после периода советского гонения на церковь – Храм Рождества Христова. Сама дорога к храму будто ведет в необычное место, ступаешь на нее – и все вокруг затихает. Нет шума машин, людской суеты. Только пение птиц и звон колоколов... Уже возле храма человек может сосредоточиться и послушать себя, насладиться его красотой и величием! Однокупольная двухэтажная церковь Рождества Христова построена из красного кирпича в виде креста со встроенной колокольней. В ней два предела: Верхний (главный) в честь Рождества Христова и нижний (криптовый) в честь святой мученицы Ииулии Карфагенской. В нижнем храме церкви находится баптистерий и библиотека. А Верхний придел храма славится своим необыкновенным резным иконостасом и чудотворной иконой Божией Матери «Всецарица». Сейчас храм живет полной жизнью! Но окунаясь глубоко в судьбу и историю этого места, удивляешься, насколько сильна воля Божья и вера православная. Рождение и история храма начались с его нижнего придела, освещенного в честь святой мученицы Ииулии Карфагенской. История рассказывает нам о том, как истинная вера и любовь к Богу побеждает невозможное!

Выбор темы исследования обусловлен тем, что православная культура является стержнем духовного и материального существования нации. Поэтому в последнее время в Беларуси возрос интерес к православному прошлому, к его историческим корням. Все больше людей обращается к вере, в стране возрождаются храмы, большое внимание уделяется духовно-нравственному воспитанию молодежи. В своем исследовании мы хотим рассказать об истории Храма Рождества Христова, обо всех сто-